

Тайна странного брака

Культура. — 1999. —
25 февр. — 3 марта.

Трудно быть
женой Чайковского

29

Фото: М. ГУТЕРМАНА

Т. Дегтярева — Антонина Милюкова

Говорят, что на похоронах великого композитора Чайковского многие были шокированы надписью на ленте венка: «От боготворившей его жены». Тайна странного брака и неординарных предпочтений гения его друзьями охранялась тщательно. И тем не менее она существовала — русская дворянка Антонина Ивановна Милюкова, пережившая неверного супруга на 24 года и закончившая свои дни в Доме призрения душевнобольных императора Александра III.

Забывтая жизнь, трагическая судьба, где сплелись любовь и ненависть, недолгое счастье и годы отчаяния, унижение и всепрощение. Судьба, взволновавшая авторов моноспектакля «Гадина» («эпитет» из уст Чайковского) в Новом драматическом театре — режиссера и сценографа Андрея Сергеева (он же автор композиции) и актрису Тамару Дегтяреву, приглашенную на эту роль из «Современника».

Моноспектакль для актера — всегда вызов, почти Голгофа, на которую во что бы то ни стало

нужно подняться и не упасть. Удержать в течение почти двух часов внимание зрительного зала, когда тебе никто и ничто не помогает. Нет декораций — откуда красоты интерьеров в полунищей психиатрической лечебнице, лишь обшарпанная казенная койка. Не спрячешься в пышность костюма — бесформенное одеяние, чуть похуже на клоунский балахон. Иногда — смешная немодная шляпка, накладная девическая коса, потрепанная фата, любовно извлеченная из недр старенького чемодана (художник по костюму Наталья Закурдаева).

И ни одного вымышленного слова — только факты, только документ: письма, воспоминания, история болезни. Они обжигают, ранят своей жестокостью, такой болью, что не дает возможности жить в здравом рассудке. Оттого и богоугодное заведение — закономерный результат.

Все это нельзя просто играть, опираясь на опыт и актерскую технику. В этот страшный омут нужно нырнуть с головой. Как это удается Тамаре Дегтяревой — Бог

ведь... Но удастся. И зрителей она затягивает туда же, не спрашивая нашего на то согласия, — в темный мир галлюцинаций, бреда, страха и одновременно ярких, незамутненных вспышек памяти. Немолодая, усталая, сломленная женщина никак не может (не хочет!) эту память потерять — и творит на больничной койке театр для себя. Снова и снова, год за годом, проигрывает свою жизнь — первую встречу экзальтированной и влюбленной институтки с гением, странную свадьбу, поспешное бегство мужа, его вечные упреки, бедность, унижение, клевету. В который раз спрашивает пустоту, не получая ответа, плачет, жалуется, негодует... И откуда столько достоинства — врожденного, дворянского или подаренного любовью вопреки всему?

Достоинство актрисы сообщает достоинство спектаклю, где весьма корректно обошлись с Чайковским и не стали смаковать в угоду моде некоторые интимные подробности его биографии. Да и наше ли это дело?

Ирина АЛПАТОВА